

Глава 1

Тревога в середине двадцатого века

Но есть эпохи, когда целое поколение оказывается... между двумя эпохами, между двумя укладами жизни в такой степени, что утрачивает всякую естественность, всякую преемственность в обычаях, всякую защищенность и непорочность!

Герман Гессе, *Степной Волк*

Каждый бдительный человек в нашем обществе понимает, основываясь не только на наблюдениях за своими близкими, но и на собственном опыте, что тревога — это распространяющееся и глубокое явление двадцатого века. Начиная с момента появления атомной бомбы в 1945 году, тревога перешла из разряда скрытых проблем в проблему открытую. Настороженные граждане теперь начали осознавать не только более очевидные ситуации, вызывающие тревогу (такие, как неконтролируемая атомная война, радикальные политические и экономические перевороты), но также менее очевидные — глубокие и более личные — причины тревожности в самих себе и своих ближних. Последнее включает в себя внутреннее замешательство, отчуждение, психологическую дезориентацию и неуверенность в отношении ценностей и общепринятых стандартов поведения. Поэтому попытки "доказать" распространение тревоги в наше время — это не больше, чем "мартышкин труд".

Поскольку в нашем обществе обычно признаются скрытые причины тревоги, то нашей задачей в этой вводной главе будет показать возникновение тревоги и дать ее определение, в некотором роде, как *открытой* проблемы во многих различных областях нашей культуры. Похоже, что в первой половине нашего века эта центральная проблема тревоги находила свое отражение в изучении и исследованиях в таких различных областях, как наука и поэзия, религия и политика. А период времени двадцать или тридцать лет тому назад можно было определить "веком скрытой тревоги" (я надеюсь рассказать об этом в данной главе). Время же, в которое мы живем, может быть названо — по выражению Одена и Камю — "веком

открытой тревоги". Эта трансформация тревоги из разряда скрытых проблем в открытые связана с важными изменениями в восприятии тревоги, от темы "настроения" до признания всей важности вопроса, который мы должны сформулировать и внести в него ясность.

Тревога была признана как "центральная проблема" — по Фрейдю — не только в понимании и лечении эмоциональных нарушений и расстройств поведения, но впоследствии также в таких различных областях, как литература, социология, политика и экономика, образование, религия и философия. В подтверждение этому я намерен привести примеры из различных областей, начиная с общих проблем и постепенно переходя к отдельной, требующей научного разрешения, проблеме тревоги.

Литература

Если мы зададимся вопросом исследования тревоги на примере американской литературы, скажем 20-30-х годов, мы будем вынуждены признать скорее симптомы тревоги, нежели ее открытые проявления. И хотя в тот период времени не так легко было увидеть признаки открытой, очевидной тревоги, но даже студент смог бы найти много симптомов, указывающих на лежащую в их основе тревогу. Вспомните, к примеру, ярко выраженные признаки одиночества, характерные черты постоянных поисков, неистовых и непреодолимых, но всегда фрустрирующих, в произведениях писателя-романиста Томаса Вульфа. В случаях, которые являются иллюстрацией проявления тревоги в этой книге, можно будет увидеть, что зачастую тревога (во многих случаях в первую очередь) зависела от проблемы, которая символически была выражена в названии произведения Вульфа *"Ты не можешь опять уйти домой"*. Мы увидим, что невротическая тревожность возникла вследствие того, что действующие лица были не способны принять психологический смысл необходимости больше не возвращаться домой — то есть, необходимости психологической автономии. Зная, что художники в литературе символически выражают, часто с поразительной точностью, бессознательное и конфликты в их культуре, человек может задать вопрос: могут ли эти символы в произведениях Вульфа означать, что многие люди

в конце 20-х и в начале 30-х начинали понимать не только то, что кто-то может опять не вернуться домой, но и то, что невозможно рассчитывать на какую-то стабильность в былых экономических, социальных и этических нормах? В результате этого осознания усилились проявления открытой тревоги как осознанной проблемы вместе с ощущением "бездомности". Если мы сделаем здесь предположение о центральном значении символов дома и матери, то, в этой связи, встанет вопрос, связанный с противостоянием времени (более конкретно) и, опять же, тревоге.

В 1950 г. о тревоге открыто заговорили в современной литературе. Оден считал, что название его поэмы наиболее точно характеризует тот период — *Век тревоги*.¹ Несмотря на то, что Оден в своей поэме представляет внутренние переживания четырех главных героев во время войны — когда "необходимость ассоциируется с ужасом, а свобода со скукой"² — он поясняет, что основные причины тревожности его главных героев, так же, как и многих других в это время, нужно искать на более глубоких уровнях, а не сводить это все к обстоятельствам войны. Четыре главных героя, несмотря на разные темпераменты и факты их биографий, имели общие определенные характерные черты нашего времени: одиночество; низкая личностная самооценка и неспособность любить и быть любимыми, несмотря на обоюдную потребность в этом и прилагаемые совместные усилия; и распространенная, но временная передышка, предоставляемая алкоголем. Причины для тревоги можно обнаружить в некоторых основных тенденциях нашей культуры. Одной из таких тенденций, по мнению Одена, является требование подчиниться стандартам, когда ценности, основанные на механистическом понимании мира и коммерческой выгоде, обожествляются:

Мы все торопимся
По воле колеса; каждый оборот
Запоминает все, расцвет и падение
В расценках и ценах...³

... этот глупый мир, где
вещи – боги. И мы все говорим и говорим,

¹ W.H. Auden, *The age of anxiety* (New York, 1947).

² Там же., стр. 3.

³ Там же, стр. 45. (пер. А.Ситницкого)

многое о многом, но остаемся одинокими,
Живыми, но одинокими, здесь и нигде,
Неприкаянные, как перекасти-поле.⁴

И все, что ожидает этих четырех героев – это то, что они тоже погрузятся в механическую обыденность бессмысленности:

Те страхи, что мы знаем –
От незнания. Принесут ли сумерки
Ужасный приказ – Держать скобяную лавку
В захолустье... Всю жизнь учить математике
Прогрессивных девиц? Но уже поздно.
Позовут ли нас когда-нибудь? Или просто
Мы никому не нужны?⁵

В результате была утрачена вера в себя как личность — неповторимую и уникальную. В то же время эти главные герои, символизирующие всех нас, утратили способность верить в других, своих ближних, и устанавливать с ними серьезные взаимоотношения.⁶

Альбер Камю, в своем аналогичном высказывании, назвал эту эпоху "веком тревоги", приводя сравнения с эрой математики в семнадцатом веке, эрой физики в восемнадцатом веке и эрой биологии в девятнадцатом. Камю понимал, что эти характеристики не являются логически взаимосвязанными, что страх — это не наука, но что "наука должна быть отчасти связана с этим, поскольку самые последние достижения в области теории привели науку к отрицанию самой себя, в то время как ее совершенные технологии представляют угрозу разрушения вселенной. Кроме того, сам страх нельзя считать наукой, это, конечно же, способ".⁷ Наше время также часто называют "веком психологии". Существует ли какая-то очевидная связь между страхом и психологией, и действительно ли страх является тем, что заставляет людей изучать свою психику, — эти

⁴ Там же, стр. 44. (пер. А.Ситницкого)

⁵ Там же, стр. 42. (пер. А.Ситницкого)

⁶ Для меня было неожиданным открытием, когда я писал эту книгу, что Леонард Бернштейн сочинил симфонию, премьеры которой состоялась в 1949 г., и назвал ее *Век тревоги*. Взяв за основу это стихотворение Бернштейн сочинил музыку, так как он был убежден в том, что поэма Одена действительно отражает "состояние века" и его определенных представителей, похожих на него самого.

⁷ Quoted in the *New York Times*, December 21, 1947, Sec. 7, p. 2.

вопросы следует принимать во внимание при чтении данной книги.

Другим писателем, который в то время остро изображал тревогу и похожие состояния, связанные с переживанием тревоги, был Франц Кафка. Удивительно возросший интерес в 40-х и 50-х годах к произведениям Кафки очень важен здесь применительно к целям нашего исследования, поскольку это показывает нам изменения в настроениях того времени. Тот факт, что все больше людей стали открывать для себя произведения Кафки, свидетельствует о том, что он затрагивал некоторые глубинные вещи в жизни многих членов общества. В романе Кафки "Замок" главный герой отдает всего себя без остатка своему безумному и отчаянному стремлению взаимодействовать с властями в замке, которые контролируют все стороны жизни в деревне и у которых есть полномочия, чтобы сказать ему о его призвании и дать какой-то смысл его жизни. Этим персонажем, в котором отсутствует героическое начало, движет "желание получить самое необходимое в жизни, потребность укрепиться в семье и профессии, а также стать членом общества".⁸ Но власти в замке остаются недостижимыми, и герой Кафки так и не может найти направления в своей жизни, интегрировать ее, и остается изолированным от своих близких. Можно подробно обсуждать, что именно символизирует замок, но очевидно то, что власти в замке представляют в миниатюре бюрократическую силу, которая, осуществляя свои полномочия, подавляет как автономию человека, так и важные межличностные связи. Мы можем предположить, что Кафка описывает именно те аспекты буржуазной культуры конца девятнадцатого — начала двадцатого веков, которые настолько совершенствовались производительность в области индустрии, что личностным ценностям был нанесен серьезный урон.

Герман Гессе, который, в отличие от Кафки, не придавал столь большого значения художественным образам, более открыто говорил о причинах тревоги современного человека. Весь травматизм социальных изменений, которые произошли в двадцатом веке, сначала осознали в Европе и лишь потом в Америке; поэтому то, о чем писал Гессе, скорее относится к проблемам, которые стали осознанными в этой стране (США — ред.) в 1940 г., а не в 1927 (дата издания "*Степного волка*"). Он рассказывает историю Галлера, главного героя романа, как притчу

⁸ Max Brod, In Appendix to Kafka's *The castle* (New York, 1930). P. 329.

о нашей эпохе.⁹ Гессе, так же, как и его современники, считает, что причина изоляции и тревоги заключалась в том, что в буржуазной культуре в конце девятнадцатого века акцент делался на механистическом, рационалистическом "соотношении сил" ценой подавления на практике динамичного и иррационального. Галлер ("волк" в названии романа) пытается преодолеть свою изоляцию и одиночество, ослабив контроль за своими ранее подавленными чувственными и иррациональными импульсами. Но этот реактивный метод приносит только временное облегчение. В действительности Гессе не представляет радикального решения проблемы тревоги современного западного человека, так как он считает, что настоящий период времени — это один из тех "периодов, когда целое поколение оказывается... между двумя эпохами", то есть, когда нормы и рычаги управления буржуазного общества разрушены, а новых социальных норм пока еще нет. Гессе видит в записях Галлера документ эпохи, ибо душевная болезнь Галлера — как мне теперь представляется ясным — не выверты какого-то одиночки, а болезнь самой эпохи, невроз того поколения, к которому принадлежит Галлер, и похоже, что *неврозом этим охвачены* ... как раз сильные, наиболее умные и одаренные.¹⁰

Социальные исследования

Здесь также проблема тревоги оказалась в центре внимания. В двух сравнительных исследованиях Линд в Мидлтауне показывается осознание тревоги как открытой социологической проблемы в американском обществе в тридцатые — сороковые годы нашего столетия.¹¹ В первой работе, написанной в 1920 г., тревога не представляет открытой проблемы для людей в Мидлтауне, и эта тема даже не упоминается в содержании. Но всякий, кто будет читать эту работу с психологической точки зрения, может предположить, что многие поведенческие реакции жителей Мидлтауна указывали на *скрытую тревогу*: например, навязчивая деятельность ("бизнесмены и рабочие, кажутся, бегут сломя голову" делать деньги¹²), распространенное

⁹ Herman Hesse, *Steppenwolf*, trans. Basil Creighton (New York, 1947); originally published in German in 1927.

¹⁰ Там же, стр. 28. Курсив мой.

¹¹ R.S. Lynd and H.M. Lynd, *Middletown* (New York, 1929), and *Middletown in transition* (New York, 1937).

¹² *Middletown*, p. 87.

стремление к конформности; навязчивое, почти болезненное стремление к общению (большой акцент делается на "вступлении в клубы") и безумная озабоченность людей в обществе тем, чтобы полностью заполнить свое свободное время какой-то деятельностью (например, "вождение автомобиля"), какой бы бесцельной эта деятельность ни была. В воскресный полдень многие люди по обыкновению садятся в свои автомобили, проезжают где-то пятьдесят миль и возвращаются обратно. Это напоминает описание Паскалем некоторых симптомов скрытой тревоги: постоянное стремление людей к тому, чтобы переключаться, уходить от скуки, избегать одиночества до тех пор, пока подобного рода "активность" сама не станет финалом. Только один человек в первой работе Линд, которого они описывают как "проницательного" наблюдателя, вспомнил эти симптомы и осознал свои скрытые мрачные предчувствия. В описании своих сограждан он заметил: "Все эти люди чего-то боятся. Чего же?"¹³

Но последующие исследования того же самого сообщества в 1930 г. выявили совершенно иную картину. *Теперь имела место осознанная тревога*. Линд замечают: "характерно то, что у всех жителей Мидлтауна было ощущение надвигающейся опасности в этом сложном мире".¹⁴ Экономическая депрессия была, безусловно, тем, что вызвало эти непосредственные и очевидные проявления тревоги. Но было бы ошибочным делать заключения, что *причиной* возникновения тревоги послужила экономическая нестабильность. Линд безошибочно относят эти ощущения, связанные с надвигающейся опасностью, к *неразберихе в ролях*, с которой сталкивался человек. Они пишут, что гражданин Мидлтауна "столкнулся с хаосом противоречивых моделей, который никто из них полностью не осудил, но и, конечно же, не одобрил да и не избавился от этой неразберихи; там, где групповые санкции ясны, когда речь идет о социальной роли мужчины или женщины, человек сталкивается с требованиями культуры, не имея непосредственных способов, чтобы противостоять им".¹⁵

"Хаос противоречивых моделей" в Мидлтауне указывал на рост социальных изменений в нашей культуре, которые, как будет показано в последующих главах, были тесно связаны с

¹³ Там же, стр. 493

¹⁴ *Middletown in transition*, p. 315.

¹⁵ Там же, стр. 177.

распространением тревоги в наше время".¹⁶ Линд подчеркивали, что поскольку "многие люди не способны были одновременно выносить изменения и неопределенность во всех областях жизни"¹⁷, в Мидлтауне наблюдалась тенденция к *ограничениям в сторону более ригидных и консервативных экономических и социальных идеологий*. Поскольку симптомов тревоги (и защит от нее) становилось все больше, то в следующем параграфе мы поговорим о взаимосвязи между тревогой и политическим тоталитаризмом.

Роберт Лифтон (Robert Lifton), которого можно считать социальным психиатром, приводит много различных доводов относительно процесса промывания мозгов,¹⁸ распространенной формы социальных беспорядков во всем мире, начиная с 1950 г. Не углубляясь в интересные исследования Лифтона во многих важных областях, я хочу процитировать лишь одну ссылку, которая связана с нашей темой тревоги:

Джон С. Дюнн, известный католический богослов, выделяет в качестве новой религии нашего времени "явление, которое можно было бы назвать "переходом". Дюнн описывает этот процесс как "переход к позиции другой культуры, другому образу жизни, другой религии...за которым следует равный и противоположный процесс, который можно было бы назвать "возвращением назад"; возвращением с новым видением своего образа жизни, своей религии".¹⁹

Однако, тот же самый процесс имеет и отрицательную сторону. Сильная тревога может порождаться самим многообразием возможностей в "переходе" в целом. Эта тревога, связанная с неопределенностью, может, в свою очередь, способствовать в некотором роде стремлению к определенности, что мы теперь наблюдаем в фундаменталистских религиозных сектах и различных всеобщих духовных движениях.²⁰

Лифтон в своем анализе современной личности как постоянно изменяющей свою идентичность ссылается на "человека, подобного Протею". В греческом мифе Протей мог изменять свой

¹⁶ Эта проблема более подробно рассматривается в главе 6, в которой мы обсуждаем взаимосвязь между изменениями в культуре и тревогой.

¹⁷ *Middletown in transition*, p. 315.

¹⁸ Robert Jay Lifton, *Thought reform and the psychology of totalism* (New York, 1961).

¹⁹ John S. Dunne, *The way of all earth* (New York, 1972).

²⁰ Robert Jay Lifton, *The life of the self* (New York, 1976), p. 141.

облик: "из кабана он становился львом, драконом, огнем, наводнением... Но вот чего ему не удавалось, так это *принять какой-то один облик*, пока его не схватили и не посадили на цепь". Эта потребность надевать некоторое количество масок, постоянно меняться, неизменно показывать окружению отсутствие каких бы то ни было идей по поводу "своей принадлежности к чему-либо и о самом себе",²¹ как сказал один молодой "Протей" нашего времени, обусловлена стремительными изменениями в области культуры. Выражаем ли мы одобрение по этому поводу или ощущаем безысходность, для нас остается бесспорным тот факт, что это состояние является следствием радикальных потрясений в нашем обществе.

Сам Лифтон называет тревогу в наше время — как мы могли видеть на его примере страха атомной войны — процессом, *вызывающим оцепенение*. Эта защита является эмоциональным уходом, благодаря которому люди, неспособные прибегнуть к чему-то еще, притупляют свою чувствительность и убегают от осознания угрозы. Это бегство от осознания имеет, по видимому, временный эффект в устранении тревоги. Придется ли за это платить потом — этот вопрос остается открытым. С теми, кто остался в живых в результате несчастного случая в *Пуэбло*, именно так и произошло. В одном из исследований этого несчастного случая говорится: "Возможно, что адаптация на короткий срок была связана с явным подавлением и отрицанием, и заплатить за это придется позднее,²² и подтверждением тому является суициды и психотические депрессии.

Политика

Спиноза показал очевидную взаимосвязь между политикой и тревогой, проникнув в суть политического аспекта "свободы от страха". Он считал, что задача государства состоит в том, чтобы "настолько избавить человека от страха, что тот сможет жить и поступать с чувством абсолютной безопасности, не причиняя себе или окружающим вреда". Но на реальной политической арене мы сталкиваемся с очевидной тревогой как симптоматически, так и в открытой форме. Не станем углубляться в слож-

²¹ Robert Jay Lifton, *History and human survival* (New York, 1961). P. 319.

²² Charles Ford. "The *Pueblo* incident: psychological response to severe stress," in Irwin Sarason and Charles Spielberger (eds.), *Stress and anxiety*, II (New York, 1975), pp. 229-241.

ные определения фашизма, а обратим лишь внимание на то, что фашизм зарождается и набирает силу в периоды, когда преобладает тревога. Пауль Тиллих, который собственными глазами наблюдал зарождение фашизма в Германии, описывал ситуацию в Европе в 30-е годы, способствующую зарождению фашизма:

Во-первых, чувство *страха* или, точнее, неопределенной тревоги было преобладающим. Безопасность, казалось, была утрачена не только в экономике и политике, но также в культуре и религии. Не осталось ничего, на что можно было бы положиться; не осталось фундамента ни в чем. Каждую минуту было ощущение, что надвигается катастрофа. Следовательно, стремление к безопасности у всех усиливалось. Свобода, которая приводит к страху и тревоге, потеряла свою ценность; лучше безопасная власть, чем свобода, которой сопутствует страх!"²³

В такие периоды люди, испытывая крайнюю необходимость снять напряжение, связанное с тревогой, видели свое спасение в политическом авторитаризме. В этом отношении назначение тоталитаризма, с точки зрения культурной иерархии, можно увидеть в аналогии с невротическим симптомом, который защищает человека в ситуации, когда тревога становится невыносимой. Очевидец проявлений фашизма в Италии и Испании, Герберт Л. Мэтьюс (Herbert L. Matthews) писал: "Фашизм походил на тюрьму, в которой у человека была некоторая безопасность, пристанище и какая-то еда".²⁴ При всех очень существенных различиях коммунистический тоталитаризм выполняет аналогичную функцию. Артур М. Шлесингер (Arthur M. Schlesinger), говоря о коммунизме, пишет, что последний "заполнил" вакуум веры", вызванный спадом государственной религии; и это дает ощущение успеха и исцеляет от внутренних мук тревоги и сомнений".²⁵ Подобные формы тоталитаризма, о которых я еще буду упоминать в этом исследовании, являются не только экономическим явлением, но также и результатом внутреннего, духовного и психологического вакуума, свидетелем которого было разрушение капиталистических традиций в Западной Европе. Мартин Эбон (Martin Ebon) считал, что коммунизм — это

²³ Paul Tillich, *The protestant era* (Chicago, 1947), p. 245.

²⁴ *The education of a correspondent* (New York, 1946).

²⁵ *New York Times*, February 1, 1948.

результат "отчаянного желания найти цель в неразберихе и пустоте".²⁶ И в этой неразберихе и пустоте есть нечто, а именно: тревога. Тоталитаризм, в значительной степени, занял устойчивое положение, поскольку он, подобно симптому, "связывает" и в некоторой степени ослабляет тревожность.²⁷

Помимо симптоматических проявлений тревоги, *несистематизированная* тревога все чаще и чаще наблюдалась в социально-политических сферах в то время. Частые ссылки на первую инаугурационную речь Франклина Рузвельта: "Единственно, чего мы можем бояться, так это самого страха" подтверждают тот факт, что многие люди в большей мере стали осознавать "страх самого страха" или, точнее, тревогу, вопреки радикальным социально-политическим изменениям в нашу эпоху.²⁸

Атомный век внес ясность в ранее базовую и "недетерминированную" тревожность многих людей. Норман Коусинс (Norman Cousins) после того, как были сброшены первые атомные бомбы, с огромной тревогой говорил о колоссальных возможностях человека в наше время:

Атомный век принес с собой еще меньше надежды, больше страха. Это первобытный страх, страх неизвестного, страх тех сил, которые человек не может направить в определенное русло или постичь. Этот страх не нов; классическая форма этого страха — беспричинная

²⁶ *World communism today* (New York, 1948).

²⁷ Можно сказать, что диктаторы, некоторым образом, рождаются и приходят к власти в периоды, когда культура переживает тревогу; тревога в высших эшелонах власти и тревога в жизни; например, многие действия диктаторской группировки мотивировались их тревогой, и диктатура сохраняет навсегда свою власть, извлекая из этого выгоду и порождая тревогу не только у своих сограждан, но и соперничающих народностей.

²⁸ Несколько ссылок на "страх самого страха", из речи Рузвельта приводятся из J. Donald Adams (New York Times Book Review, p. 2, Jan. 11, 1948): Emerson, quoting from Thoreau's *Journals* "Нет ничего настолько ужасного, как сам страх". Карлайль: "Мы должны избавиться от страха; до тех пор мы не сможем действовать". Сэр Франсис Бэкон "Нет ничего страшнее самого страха". "Нам нечего бояться, кроме самого страха" также приписывают римлянину, Сенеке. Подобные утверждения не несут никакого смысла на уровне страха. Собственно говоря, страх не мешает действию; он подготавливает организм к действию. Представляется сомнительным, что фраза "сам страх" имеет какую-то логику; человек боится чего-то. "Сам страх" будет более логичным в отношении тревоги. В действительности, если здесь заменить "страх" "тревогой", все вышеуказанные утверждения имели бы больше смысла.

смерть. Но накануне вечером этот страх усилился и был преувеличен. Это проникло из бессознательного в сознание, заполняя сознание базовыми представлениями... Там, где человек не сможет найти ответ, он будет испытывать страх.²⁹

Даже если мы избежим столкновения с реальной смертью в перестрелке и атомной войне, мы не сможем избавиться от тревоги — этой неотъемлемой части нашего зловещего мира. Историк Арнольд Тойнби (Arnold Toynbee) выразил свое убеждение, что не очень высока вероятность открытых столкновений в мировом масштабе, но многие поколения будут продолжать оставаться в состоянии "холодной" войны. Это означает вечное состояние напряжения и беспокойства. Для одного поколения (или, как выяснилось, даже больше, чем для одного) было, воистину, ужасной перспективой жить в состоянии тревоги!

Но картина не выглядит настолько уж мрачной. Тойнби считал, что напряжение в постоянной холодной войне можно использовать конструктивно в качестве мотивации для улучшения наших социоэкономических критериев на Западе. Я согласен с Тойнби в том, что наше политическое и социальное выживание зависит не только от нашей способности выносить тревогу, которая неотъемлема в ситуации мировой угрозы, но и от нашей способности конструктивно использовать эту тревогу.

Рассказанная Тойнби аналогия представляет собой такую яркую аллегорию конструктивного использования тревоги, что я хотел бы привести ее здесь в качестве заключения. Рыбаки, которые ловили сельдь в Северном море, столкнулись с такой проблемой, что пойманная ими рыба начинала покрываться слизью в резервуарах и, таким образом, теряла рыночную стоимость. Затем один рыбак предложил разместить несколько хищных рыб в резервуары с сельдью. И после того, как хищных рыб поместили в резервуары, сельдь, оказавшись под угрозой смерти, не только перестала покрываться слизью, но стала даже более

²⁹ *Modern man is obsolete* (New York, 1945), p. 1. Впервые опубликовано в редакционной статье *The Saturday Review of Literature*. Впоследствии была издана книга. Несмотря на то, что Норман Коусинс использовал определение "страх", он описывает то, что я бы назвал тревогой. "Страх беспричинной смерти" является наглядным примером тревоги. "

активной и энергичной.³⁰ Безусловно, будет ли реакция Запада на хищников (Китай или Россия) конструктивной или нет, это уже другой вопрос; иными словами, будем ли мы использовать тревогу в международном положении преимущественно в конструктивных целях? Нам это еще только предстоит увидеть.

Тревога в этой ситуации увеличивается ввиду того, что отсутствует очевидный злоумышленник, нет "дьявола", на которого можно проецировать наши страхи. Тревога в дальнейшем усиливается в связи с нашим участием в этой ситуации — субъективным и объективным. Как пишет Пинатс (Peanuts): "Мы встретили врага, и он наш".

Философия и теология

Тревога также стала центральной проблемой в современной философии и религии, и это не только основная проблема, но также и определенное указание на преобладание тревоги в этой культуре. Тревога наиболее отчетливо прослеживается в работах таких теологов, как Рейнольд Нейбух (Reinhold Niebuhr), которые наиболее обеспокоены экономическими и политическими вопросами в наши дни, а также таких философов, как Пауль Тиллих и Мартин Хайдеггер, которые сами испытывали в своей жизни кризисы культуры и потрясения западного общества за последние три десятилетия.

В свете мысли Ницше о том, что философ — это "целитель культуры", размышления этих философов и теологов должны рассматриваться не как результат "ценнейших" умозаключений, но как диагноз, поставленный состоянию нашей культуры.

Тиллих описывал тревогу как реакцию человека на угрозу отсутствия бытия. Человек — это существо, у которого есть самосознание и который осознает свое бытие, но он также осознает, что в любой момент его существование может прекратиться. Эту концепцию Тиллих, конечно же, сформулировал еще до начала атомного века, но это, несомненно, яркий сигнал, который позволяет многим людям осознать непосредственную угрозу небытия. Говоря языком философии, тревога возникает, поскольку человек осознает бытие через повсеместную возможность небытия. Это, как мы увидим, аналогично описанию тре-

³⁰ Arnold Toynbee, How to turn the tables on Russia, *Woman's Home Companion*, August, 1949, 30 ff.

воги Кьеркегором как "страха небытия". "Небытие" означает не просто угрозу физической смерти, несмотря на то, что смерть, возможно, является самой распространенной разновидностью и сигналом тревоги. Угроза небытия затрагивает также психологические и духовные сферы, а именно: это угроза *бессмысленного* существования человека. Обычно угроза бессмысленного существования переживается негативно как угроза существованию личности (опыт "распада личности", используя терминологию Гольдштейна).

Но когда такого рода тревога переживается позитивно, т.е. когда человек, понимая угрозу бессмысленного существования, *оказывает сопротивление этой угрозе* — в результате происходит усиление личности. Это также укрепление его восприятия себя как человека, отличного от мира небытия или объектов.

В теологической доктрине Нейбура о человеке тема тревоги занимает центральное место. Нейбур считает, что каждый шаг человека, творческий или деструктивный, несет в себе элемент тревоги. Первопричиной тревоги является то обстоятельство, что человек, с одной стороны, смертен и, подобно представителям животного мира, зависит от непредвиденных обстоятельств и неизбежности природы; но с другой стороны, человек свободен. В отличие от животных, он видит эту ситуацию (непредвиденные обстоятельства) и предвидит опасности, и в этом случае человек выходит за пределы своей конечности. "Одним словом, человек, при всей его детерминированности и свободе, всех его ограничениях и безграничности, испытывает страх. Тревога — это неизбежное сопутствующее обстоятельство парадокса между свободой и конечностью человека".³¹ В этой работе я еще буду подробно рассказывать о тревоге как предпосылке возникновения невроза, но здесь важно то, что Нейбур, используя похожие теологические термины, представляет тревогу как "скрытую предпосылку греха...Тревога — это необъяснимое описание состояния искушения".³²

Психология

Социальный психолог Р.Р. Уилоуби (R.R. Willoughby) утверждал, что "наиболее известной психической характеристикой западного общества является тревога". Затем, с целью

³¹ Reinhold Niebuhr, *The nature and destiny of man* (New York, 1941), p. 182.

³² Там же.

обоснования этого утверждения, он представлял возрастающие статистические данные в трех областях социальной патологии, которые, по его мнению, можно рассматривать как реакцию на тревогу, а именно: *суициды, функциональные формы психических расстройств и разводы*.³³ За последние 75-100 лет наблюдается неизменное увеличение количества суицидов во многих странах континентальной Европы. В отношении функциональных форм психических расстройств Уилоуби считал, что "по всей вероятности...наблюдается реальное увеличение психических заболеваний, даже теперь, когда есть возможность пройти госпитализацию и поставить диагноз".³⁴ Во всех странах, за исключением Японии, наблюдается тенденция увеличения количества разводов. Уилоуби полагает, что разводы показывают неспособность представителей культуры выдерживать дополнительный стресс, связанный с необходимостью приспособления в браке; и можно предположить, что подобная ситуация будет предопределять значительное повышение уровня тревожности в культуре. Важный факт для Америки: "только разводы в связи с "жестоким" обращением влияли на повышение тревожности, все прочие способствовали постоянному спаду тревоги". Уилоуби интерпретировал "жестокость" как причину повышения уровня тревоги, т.е. "если поведение супруга усиливает тревожность, подобное поведение можно считать "жестоким".

Стремление Уилоуби предоставить эти статистические данные для того, чтобы подтвердить "предположение на основании "здравого смысла" о том, что в нашей культуре существует высокий уровень тревожности и наблюдается тенденция к его росту", вполне объяснимо. Но здесь может возникнуть важный вопрос, действительно ли существует прямая связь между этими статистическими данными и тревогой, как он это утверждает. Может показаться, что количество разводов увеличивается в связи с тем, что изменилось отношение социума к разводам, а также к преобладанию тревоги. Представляется более разумным *рассматривать статистику возросшего количества разводов, суицидов и психических заболеваний как симптомы и результат травматического переходного периода в нашей культуре; и*

³³ R. R. Willoughby, *Magic and cognate phenomena: an hypothesis*, in Carl Murchinson (ed.), *Handbook of social psychology* (Worcester, Mass., 1935), p. 498.

³⁴ Там же, стр. 500.

тревогу также рассматривать как симптом и результат этого переходного периода.

Прослеживается такая тенденция увеличения числа разводов: "В Америке, в конце двадцатого века, в три или в четыре раза больше первых браков заканчивается разводом, по сравнению с тем, что происходило там сорок пять лет тому назад", по статистическим данным 1976 г.³⁵ За последние двенадцать лет количество разводов возросло больше, чем в два раза. Однако, если мы посмотрим на статистические данные, они, безусловно, указывают на коренной переворот, и поэтому культура оказывается подверженной широко распространенной тревоге.

Поскольку в последующих главах мы будем подробно останавливаться на исследовании тревоги в различных областях психологии, то сейчас, в качестве вступления, мы лишь сошлемся на то, что тревогу постепенно стали рассматривать как центральную проблему в теории обучения, в динамической психологии и, в особенности, в психоанализе и других направлениях психотерапии. То, что опасения и страхи — в особенности те, которые имеют отношение к одобрению или наказанию со стороны родителей или учителей, — оказывают очень большое влияние на ребенка в школе, давно является общепризнанным фактом. Однако совсем недавно стали доступными научные подтверждения многочисленных неуловимых проявлений тревоги и того, какое влияние она оказывает на ребенка в процессе обучения. Подобному пониманию тревоги как центральной проблемы в теории обучения и выработке ее научной формулировки мы очень обязаны таким психологам, как Моурер, Миллер, Доллард (Mowrer, Miller, Dollard) и многим другим их последователям.³⁶

Более тридцати лет тому назад Фрейд выделил тревогу как ключевую проблему эмоциональных и поведенческих нарушений. Дальнейшее развитие психоанализа только подтвердило его предположение, и до сих пор общепризнанным фактом по всем позициям принято считать то, что тревога является "*первопричиной невроза*" или, согласно терминологии Хорни (Horney), "*динамичным центром неврозов*". Но это верно только в области психопатологии. Сейчас уже доказано, что не только у людей "с отклонениями от нормы", но и у "нормальных" людей наблюда-

³⁵ Statistics furnished by the Center for Policy Research, Columbia University.

³⁶ Обсуждается в главе 4.

ется уровень тревожности гораздо выше, чем это могли предположить несколько десятков лет тому назад. Интересует ли нас "норма" или патология в поведении, Фрейд был прав, утверждая, что решение "трудной проблемы" тревоги должно "пролить свет на все наше психическое существование".³⁷

Назначение этой книги

Несмотря на то, что тревога стала центральной проблемой в самых различных областях нашей культуры, эту проблему не подвергали резкой критике, т.к. различные теории и исследования тревоги до настоящего времени были не связаны между собой. И хотя ученые ведут целенаправленную работу, ситуация в 1977 г. ничуть не изменилась с 1950 г. Мы даже не используем тот же самый язык, и это очевидно любому человеку, который интересуется материалами различных симпозиумов, посвященных тревожности. Данное Фрейдом объяснение проблемы тревожности, которое было опубликовано в 1933 г. и которое приводится в первом параграфе данной главы, по-прежнему является в значительной степени верным: "Не удивляйтесь тому, что у меня есть много новой информации и гипотез по вопросу тревоги...а также тому, что вся эта информация не может окончательно разрешить эти вызывающие сомнения проблемы". На настоящем этапе понимания тревоги необходимо "предоставить верные абстрактные образы и использовать их в высказывании с целью его упорядочивания и внесения ясности".³⁸

Целью настоящего исследования будет, насколько возможно, внести некоторый "порядок и ясность" в не связанные между собой области, которые занимаются изучением тревоги. Я предлагаю объединить различные теории тревоги и рассмотреть их с точки зрения культурных и исторических, а также биологических и психологических аспектов. Затем я постараюсь найти общий знаменатель в этих теориях, определить пункты разногласий и, по возможности, синтезировать различные точки зрения в *исчерпывающую теорию тревоги*. Конкретные социологические исследования в этой книге при-

³⁷ Sigmund Freud, *Introductory lectures on psychoanalysis*, trans. James Strachey (New York, 1966), p. 393.

³⁸ Sigmund Freud, *New introductory lectures in psychoanalysis* (New York, 1974), p. 113.

Конец ознакомительного фрагмента.
Для приобретения книги перейдите на сайт
магазина «Электронный универс»:
e-Univers.ru.